

Виктор Кротов

Книга без титула *и комментарии к ней*

Ориентирование во внутреннем мире

Виктор Гаврилович Кротов
Книга без титула и
комментарии к ней.
Ориентирование во
внутреннем мире

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22101577
ISBN 9785448345586

Аннотация

В свободной эссеистической форме здесь рассмотрен широкий спектр философских, психологических, социальных, житейских и педагогических проблем. Обо всём говорится без наукообразия, на языке внутреннего самопознания, побуждающем читателя к самостоятельному мышлению. В книгу включено большое количество цитат, отражающих взгляды мыслителей разных времён и народов на проблемы внутреннего мира.

Содержание

Предисловие комментатора	11
Вступление	14
Начало	16
1	16
2	17
3	18
4	19
5	20
6	21
8	22
9	23
10	24
11	25
12	26
13	27
14	28
15	29
16	30
17	31
18	32
19	33
20	34
21	35

22	36
23	37
24	38
25	39
26	40
О мышлении	41
Аксиомы мышления	41
27	41
28	42
29	42
30	42
31	43
32	43
33	44
34	44
35. Аксиома восприятия	45
36	45
37	46
38	47
39. Аксиома внешнего и внутреннего	47
40	48
41	48
42. Аксиома памяти	49
43	49
44. Аксиома действия	50
45	50

46	50
47. Аксиома социальности	51
48	51
49	51
50	52
51	52
52	53
53	53
54	54
55	55
56	55
57	56
58	56
59	57
60	57
61	58
62	58
63	59
64	60
65	60
66	61
67	62
68	62
69	63
70	63
71	63

73	64
74	65
75	66
76	66
77	66
78	67
79	68
80	69
Философия и философование	71
81	71
82	71
83	71
84	72
85	73
86	74
87	74
88	75
89	75
90	76
91	76
92	77
93	77
94	78
95	78
96	79
97	79

98	80
99	80
100	81
102	81
103	82
104	82
105	83
106	83
107	84
108	85
109	86
110	86
111	87
112	87
113	88
114	88
115	89
116	89
117	90
118. Притча о кислом вине	90
119	91
120	91
121	92
122	93
123	94
124	94

125	95
126	96
127	96
128	97
129	97
130	98
131	98
132	99
133	99
134	100
135	101
136	101
137	102
138	102
139	103
140	104
141	104
142	105
143	105
144	105
145	106
146	107
147	108
148	109
149	110
150	110

151	110
152	111
153. Принцип множественности выражения	111
154	112
155	112
Единство и рознь учений	114
156	114
157	114
158	115
159	115
160	116
161	117
162	117
163	118
Конец ознакомительного фрагмента.	120

**Книга без титула и
комментарии к ней
Ориентирование во
внутреннем мире
Виктор Гаврилович Кротов**

© Виктор Гаврилович Кротов, 2016

ISBN 978-5-4483-4558-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обложке рисунок Александра Гармаева.

Предисловие комментатора

«Книга без титула» написана давно. Двадцать с лишним лет жизни и мышления отделяют автора от комментатора. Столько же, сколько было автору, когда он начинал работу над этой книгой.

Когда-то я думал, что эта книга будет меняться вместе со мной. И те восемь лет, когда шла работа над ней, так и было. Но работа закончилась, книга была завершена «в первой редакции» – и осталась такой слишком надолго.

Автор менялся сам, писал новые книги, жил свою жизнь. Книга жила по-своему. Я не слишком много знаю о том, как это было.

Из выпущенных мною десяти самиздатовских экземпляров у меня остался только один. Мне рассказывали, что встречали эту книгу в Прибалтике, в Сибири и даже в Армении, причем уже в несколько видоизмененных видах. Не знаю, так ли это. Имени автора на ней не стояло, каждый чувствовал себя вправе обращаться с ней как угодно. Для «Книги без титула» это вполне естественно.

Теперь я могу поставить на ней своё имя. Могу сократить её. Могу комментировать. Но переписать не могу.

У «Книги без титула», действительно, не было титульного листа, хотя существеннее был второй смысл этого заглавия: отсутствие известности, давящего авторитета. Отсут-

ствие титула-листа лишь подчёркивало это. Книга начиналась прямо с текста. Вернее, с трёх небольших вступительных текстов, из которых мне хочется сохранить лишь один.

Потом шли нумерованные фрагменты. Теперь к некоторым из них добавятся комментарии.

Внимательный читатель заметит пропуски в нумерации фрагментов – это следы моей теперешней работы по некоторому сокращению книги. Убирал я лишь необязательные, второстепенные тексты. Те фрагменты, которые уже не совпадали с моими теперешними взглядами, я, напротив, старался оставить, чтобы дать к ним комментарий.

Сохраняю и способ цитирования, принятый в КБТ (позволю себе использовать в комментариях это сокращённое название книги). Цитаты приводятся в кавычках, но без непосредственного указания авторов. Имя, соответствующее каждой цитате, можно найти в конце книги. Облегчить жизнь читателю, внеся имена в текст, не удалось: сразу изменился характер книги¹.

Понятно, что имена вынесены в указатель, чтобы они не отвлекали читателя от сути сказанного. Сейчас я вряд ли стал бы пользоваться этим приёмом, но для КБТ он остаётся естественным. Пусть читатель отнесётся к этому с понима-

¹ Сейчас, выпуская электронные варианты книги, я решил воспользоваться механизмом скрытых ссылок. Предлагаю читателю не спешить заглядывать в авторство цитаты, чтобы сосредоточиться на её содержании, а не на авторитетном имени. В крайнем случае – прежде, чем заглянуть в ссылку, попытаться угадать автора. Но лучше всё это оставить на потом.

нием. Сам знаю, что не слишком удобно лазить за информацией в конец книги. Но можно и не лазить.

Итак, «КНИГА БЕЗ ТИТУЛА и комментарии к ней» – это как бы двойная книга, написанная в двух разных возрастах, отстоящих друг от друга на четверть века, в двух разных мировоззренческих состояниях. Я ставлю на ней своё имя, потому что соединить эти два текста может только личная искренность. К ней я стремился тогда, к ней стремлюсь и сейчас.

На этом заканчиваю вступительный комментарий – и перехожу к вступительному тексту. Спасибо тем, кто открыл эту книгу.

Вступление

Неизвестно, что было в начале и будет в конце. Неизвестно, было ли начало и будет ли конец. Одно лишь несомненно – собственное существование сейчас.

Много это или мало? Велик или мал был тот сказочный орех, в котором таился огромный город? Или тот, в котором датский принц мог бы чувствовать себя повелителем Вселенной?

Снова и снова раскалывать волшебный орех своего единственного знания – и быть вознаграждённым уже за сами эти усилия.

А главное усилие приложить к тому, чтобы *быть искренним перед самим собой*.

Не спешить произнести «да» или «нет», прислушаться прежде к себе, к голосу своего существования. Применить к себе каждое суждение, как примеряют, оставшись наедине, платье – не стыдясь наготы, не боясь показаться смешным.

Быть искренним перед самим собой, как бы ни было это трудно, а лёгкости – не радоваться и не доверять.

Ко многим чувствам нужно прислушаться и рассудить их по справедливости.

Многие мысли нужно освободить из плена фраз, чтобы сравнить их со своими.

От многого нужно отказаться, чтобы приобрести ещё

большее.

Не бояться ни громких, ни тихих слов. Не бояться ни красноречия, ни косноязычия. Всё опадёт и исчезнет – останется лишь то, что останется в душе...

Начало

1

Что если приняться за философию по-детски наивно, с ничего? Вообразить, будто всё предстоит открыть самому, заново научиться думать о себе и о мире? Пройтись пешком, босиком по тропинкам человеческого существования, забыв про накатанные дороги систем и теорий?..

2

Это не рассуждения на заранее выбранные темы, не анализ явлений путём логического рассмотрения. Здесь собраны разные размышления. Что их объединяет? Может быть, только то, что автор у них один и тот же.

Когда личность начинает ощущать себя именно как личность, это немного опьяняет. Сейчас я вижу, что размышления эти объединены не только личностью автора. Они увязаны в нечто целое и возрастом, и определённым этапом развития личности, и желанием что-то противопоставить официальной идеологии, царившей в те времена. Это и меньше и больше, чем личность.

3

«Я стану излагать здесь свои мысли без порядка, и эту смесь я делаю, может быть, не без намерения: это и есть надлежащий порядок, так как предмет моего изложения именно и отличается беспорядочностью».²

Пусть не вводит в заблуждение наличие глав и разделов, соседство собранных вместе суждений. Это лишь горсти, коробка, не дающие мыслям рассыпаться врозь, пренебрежительно к сосредоточенности читателя.

² Паскаль, Блез; 1623—1662; Франция; философ, учёный.

Отрывочная форма этого произведения выбрана и по личному пристрастию, и в соответствии с принципиальными целями книги.

Мне необходима форма, позволяющая после завершения первоначальной работы вносить органичные дополнения и изменения. Ведь дело не в обработке изящного сюжета, а в сохранении того душевного и мыслительного богатства, которое приходит на протяжении всей жизни. Мне необходима форма, подчёркивающая право читателя принять одно и отказаться от другого. Мне необходима форма, не имеющая претензий на окончательность и систематичность.

Всё получилось иначе, чем я думал. Развивать книгу непрестанно, пользуясь её фрагментарной формой, оказалось неосуществимой задачей. Но свою роль эта форма сыграла – вплоть до той самой возможности войти в этот текст заново с помощью комментариев, которую я сейчас использую.

«Методическое изложение обладает способностью убеждать и доказывать, но в значительно меньшей степени даёт указания практического порядка; ведь такое изложение использует как бы круговое доказательство, где отдельные части взаимно разъясняют друг друга, и поэтому интеллект скорее удовлетворяется им; но так как действия в обычной жизни не приведены в строгую систему, а беспорядочно перемешаны, то тем более убедительными для них оказываются и разрозненные доказательства».³

³ Бэкон, Френсис (Веруламский); 1561—1626; Англия; философ, государственный деятель.

6

У меня нет цели создать стройную и строгую систему непротиворечивых философских умозаключений.

Если постепенно и возникнет нечто логически последовательное и связное, этому не стоит ни радоваться, ни печалиться. Логичное – ещё не значит истинное. Цельное – ещё не значит неделимое. Всегда можно согласиться с одним и отвергнуть другое, использовать что-то само по себе, обрывая нити, если они не нужны.

Не собираясь придавать своим заметкам нарочитое наукообразие, не хочу впадать в другую крайность и кичиться отсутствием всяких намерений быть основательным.

Во многом я стремлюсь к тому же, к чему стремится всякая наука: к логическому выяснению истинного положения вещей. Об этом я хотел бы говорить с соблюдением всех правил логической грамматики. Но логика – лишь одно из орудий человеческого познания, а логичность – лишь одно из свойств восприятия жизни человеком. Вот почему я надеюсь не ограничиться чисто рассудочным анализом действительности.

9

«Я не питаю никакого пристрастия ни к сомнениям, ни к беспорядку. Я только боюсь потерять истину, остановившись на уверенности, что обладаю ею вполне».⁴

⁴ Джеймс, Уильям; 1842—1910; Америка; философ, психолог.

Хотелось бы уберечься от эксплуатации свободно пришедших или, точнее, доставшихся в дар мыслей. Это не для меня работа: доводить идеи до универсальности, опровергать противоречащие им взгляды, выявлять родство с авторитетами и сопротивляться оппонентам, не позволяя им покушаться ни на оригинальность, ни на преемственность твоих воззрений...

Судьба помогла мне в этом желании. Мне довелось просто думать обо всём, что мне представлялось важным. Даже когда я мысли эти записывал, даже когда приводил их в читаемый вид, даже когда они находили читателей, всё это не имело особых последствий. О публикациях нечего было и думать до самого последнего времени. Судьба оберегла меня от соблазна козырять результатами своих размышлений, и я рад этому, потому что не уверен, что достойно выдержал бы испытание тиражированием, а уж тем более медными трубами.

«Лучше всегда прямо высказать, как думаешь сам, не пытаясь много доказывать. Все приводимые нами доказательства являются ведь только вариациями наших мнений, и люди противоположного образа мыслей не слушают ни того, ни другого».⁵

⁵ Гёте, Иоганн Вольфганг; 1749—1832; Германия; поэт, писатель, философ, учёный.

Большей частью я позволял себе пренебрегать описаниями, переводящими отвлечённые идеи на язык непосредственных жизненных ситуаций. Причина этому не в любви к обобщениям, а в нежелании загонять восприятие читающего в узкое русло конкретности. Примеры, которые я мог бы придумать, изобретательный читатель придумает лучше меня. Случаи, которые я взял бы из своей жизни, читатель возьмёт из своей (а если не найдётся похожего, значит и мои случаи не имели бы отзвука). Короче говоря, я избегаю примеров так же, как избегаю доказательств: и те и другие – родственники излагаемых убеждений, их свидетельства пристрастны.

Здесь часто повторяются слова «нельзя» и «надо». Это не попытки самовлюблённого спесивца продиктовать свои законы морали или выработать универсальные правила общежития. Все эти долженствования обращены скорее к себе самому. Они проистекают из стремления выявить или угадать некоторые закономерности сознания и поведения. Такие, чтобы с представлениями о них человек мог жить и развиваться удачливее, чем кружась вслепую.

В наше время, расположенное к фактам и цифрам, исследовать такие риторические понятия как «счастье», «справедливость», «мудрость» и пр. – неблагодарное занятие. Не только перед другими, но и перед самим собой иногда испытываешь неловкость за перекапывание давно известных представлений. Но что делать, если эти избитые и надоевшие проблемы кажутся всё-таки наиважнейшими...

«Каждый, кто уверен в том, что ему есть что сказать относительно этического самосознания общества и индивидов, имеет право говорить теперь, хотя время выдвигает на первый план политические и экономические проблемы. Неактуальное на первый взгляд оказывается жгуче актуальным. Внести нечто весомое и прочное в решение проблем политической и экономической жизни мы сможем лишь в том случае, если возьмёмся за них как люди, стремящиеся прийти к этическому мышлению».⁶

⁶ Швейцер, Альберт; 1875—1965; Германия; философ, врач, музыкант

Настойчивые перепевы некоторых идей, непропорциональные, может быть, их значению, не означают, что я особенно преуспел в понимании того или иного вопроса. Скорее напротив: это говорит про обострённую потребность в нём разобраться. Пусть инстинкт читателя поможет ему отрешиться от излишней авторской настойчивости там, где всё ясно с полуслова.

Любое честное выражение мировоззрения – даже логически стройное, даже строго следующее классическим философским традициям, использующее каноническую терминологию и общепринятый способ изложения – по сути всего лишь исповедь. Вольный стиль лишь усиливает этот личностный импульс, но в скрытом виде он присутствует всюду.

Абстрактные или безличные суждения помогают снимать напряжённость разграничения между пишущим и читающим. Но и с их помощью я не берусь выразить ничего, кроме собственных взглядов, сомнений и надежд.

В этом вступлении я забочусь не столько об изложении общих принципов, сколько о том, чтобы по-честному предупредить о своих намерениях. Пусть тот, кому книга не может принести никакой пользы, расстанется с ней скорее, чем начнёт сожалеть о напрасно потраченном внимании.

Вопрос об оригинальности излагаемых здесь идей можно решить полюбовно с самым злейшим из моих критиков. Я готов взять на себя все неудачи и нелепости этой книги, но буду твёрдо настаивать на отсутствии сколь-нибудь существенной новизны высказанного мною. В те или иные времена всё это уже говорилось. Я лишь переводчик (не всегда удачливый, но старательный) того, что мне кажется важным, на язык своего времени и своего народа.

Обилие цитат среди этих фрагментов нужно мне отнюдь не для вящего подтверждения своих воззрений. Это было бы странно – излагать перенятые у других или, во всяком случае, неминуемо у других встречаемые идеи, подтверждая их словами тех же самых авторов, с чьей помощью эти идеи усвоены.

«Если я порой говорю чужими словами, то лишь для того, чтобы лучше выразить самого себя».⁷

⁷ Монтень, Мишель де; 1533—1592; Франция; философ.

Некоторые из мыслей, вошедших в эту книгу в виде цитат, явились когда-то для меня моими собственными открытиями, хотя и не столь проникновенно выраженными. Когда выяснялось, что моя мысль намного древнее меня, что вот она передо мной, выраженная в словах, пришедших из другой эпохи, из другого языка, из другой культуры, я мог только порадоваться. Мои слова съёживались и исчезали, сыграв свою роль. Ведь они помогли мне встретиться с этой мыслью, проложили мостик к её восприятию и усвоению.

Однако чаще чужие слова находили в моём сознании лишь некоторое внутреннее соответствие, не оформившееся в собственную речь. И открытие совершалось именно с их помощью.

Все эти не свои слова — да и свои тоже — я привожу теперь на встречу с читателем в надежде нащупать какие-то соответствия в его душе. Иначе нам с читателем будет просто скучно друг от друга.

«Читай не затем, чтобы противоречить и опровергать, не затем, чтобы принимать на веру, и не затем, чтобы найти предмет для беседы; но чтобы мыслить и рассуждать».⁸

⁸ Бэкон, Френсис (Веруламский); 1561—1626; Англия; философ, государственный деятель.

Философскому рассуждению, наверное, правильнее быть не только увлекательным и притягательным (иначе никто с ним и не ознакомится), но вместе с тем и отталкивающим – отталкивающим читателя от текста к собственному поведению и к самостоятельному осознанию жизни.

Для чего такая фрагментарность? Чтобы помочь поверхностному знакомству с книгой? Или обеспечить такое восприятие, при котором читателю важнее всего случайное воздействие на него отдельных идей?

Таких намерений у меня не было. Это не нарезание длинного текста на ломтики для лучшей усвояемости.

Напротив, постигающему читателю такой жанр должен причинять плодотворные затруднения: ему придётся самому устанавливать формально отсутствующие связи между отдельно приведёнными мыслями.

Каким я хотел бы видеть читателя этой книги? Умным, внимательным, доброжелательным, стремящимся к совершенствованию и к истине?..

Разумеется.

Но главное – расположенным к работе без предвзятости. Исполненным желания и мужества принять непривычное, убедившись в его достоверности, и отвергнуть очевидное, оказавшееся обманчивым.

Конечно, поиски нужных слов требуют существенных усилий, и наконец отысканные слова выглядят в глазах автора достаточно смазливо. И всё-таки мне не хотелось бы, чтобы мои слова запечатлевались в чьём-то сознании. И не только слова, пожалуй. Чтобы сама мысль не вспоминалась бы как нечто стороннее. Если она проложит путь собственному пониманию, собственной мысли, собственным словам, это будет лучшее, что она может.

Тем более нет у меня желания, чтобы сказанное мною стало для кого-то жизненным руководством. Размышления, исполненные сомнений, не годятся для этого. Достаточно, чтобы среди них нашлось чем подкрепиться – как ягодами с придорожного куста.

Нелегко решиться излагать мировоззрение, которым живёшь. Привязать его к конкретному состоянию, закрепить его цепкими словами, формулировать неформулируемое, не видя перед собой лица собеседника. Достаточно лёгкой иронии, простейшего логического выверта – и лучшие твои слова превратятся в смутных уродцев.

Но что значат подобные страхи перед простым и неизбежным ощущением внутренней необходимости. Надо сделать назначенную тебе работу. Вот и всё. Остальное – уж как получится.

О мышлении

Аксиомы мышления

Само название этой главы представляется мне теперь слишком напористым. Нужны ли ориентиры в виде аксиом мышления – или можно обойтись и без них?..

Сейчас мне кажется, что обойтись можно. Но в то время попытка сформулировать такие аксиомы оказалась моим первым философским импульсом (всё же я учился на математика). Во всяком случае, проблема эта важна для человека. Особенно для человека рационального, с чувством логики, требующим своего. От подобного анализа вполне можно отказаться. Но перед этим вполне естественно испытать его возможности.

27

Возможны два основных направления мышления о человеке: к нулю и к бесконечности. С одной стороны – постигать основы, истоки, начала человеческого сознания. С другой – стремиться к его высотам.

28

«Искание начала показывает незначительность начала: но при этом то, что ближе к нам, — что около нас и в нас — начинает, мало-помалу, показывать свои краски и красоты, свою загадочность и богатство значения».⁹

29

Потребность в аксиоматике — состояние довольно естественное для человека познающего. Вот и мне хочется попробовать сформулировать: что представляется несомненным человеку, или хотя бы мне самому. Строго говоря, это и не аксиоматика вовсе, не образование основы для последующего доказательства теорем, а лишь попытка разобраться, что же всё-таки наиболее достоверно из того, с чем человек имеет дело.

30

«Так как мы были детьми, раньше чем стать взрослыми, и составили относительно предметов, представлявшихся нашим чувствам, разные суждения,

⁹ Ницше, Фридрих; 1844—1900; Германия; философ.

как правильные, так и неправильные, прежде чем достигли полного обладания нашим разумом, то некоторые опрометчивые суждения отвращают нас от истинного познания и владеют нами настолько, что освободиться от них мы, по-видимому, можем не иначе, как решившись хотя бы раз в жизни усомниться во всём том, по поводу чего обнаружим малейшие подозрения в недостоверности». ¹⁰

31

«Первое, что нужно, – это проверить основы и исключить все причины иллюзий и заблуждений». ¹¹

При этом мы вовсе не лишаем себя свободы впоследствии придти на поклон к идеям, отнесённым по логическим соображениям в разряд иллюзий. Мы можем ещё умолять их владеть и княжить в нашем сознании – если такое правление будет сочтено наилучшим. Но предварительно – проветрим дворец.

32

«Истинное знание состоит в том, чтобы знать, что мы

¹⁰ Декарт, Рене (Картезий); 1596—1650; Франция; философ, математик.

¹¹ Роллан, Ромен; 1866—1944; Франция; писатель.

33

Аксиомы – утверждения, истинность которых не доказывается, – считаются специфической принадлежностью науки. На самом деле вся наша жизнь, даже самая бытовая, пронизана невероятным количеством аксиом и постулатов. Исходя подсознательно из их истинности, мы и действуем. На более осознанном уровне – рассуждаем.

Набор этих предпосылок различен и для разных обществ, и для разных людей и для разных периодов жизни одного человека. Степень осознанности и логическая связанность аксиом друг с другом также широко варьируются. Если среди них существуют такие, которые принимаются всегда и всеми, то судить об этом надо скорее по поведению людей, чем по их высказываниям и теориям.

Что же касается науки, она начинается не с того, что аксиомы придумывают, а с того, что их осознают и стараются свести к минимуму.

34

Как зависимость, так и независимость философа от истории духовной жизни человечества заключается в том, что он

¹² Конфуций (Кун-цзы); 551—479 до н.э.; Китай; философ.

должен в себе пережить, самостоятельно пройти весь путь развития философской мысли. Общечеловеческая история – пунктир от незапамятного через людей и события к современности. Отдельный человек тоже движется от своего незапамятного, от случайных и смутных впечатлений детства – через свои открытия и увлечения – к своему сегодняшнему мировоззрению. Это движение столь органично для сознания, что воспроизводится любым философским анализом. В начале такого анализа мы погружаемся в пред-аксиоматическое неведение, как ребёнок, засыпая, сжимается в эмбрионоподобный комочек.

35. Аксиома восприятия

Я ощущаю. Или: я испытываю ощущения. Или: мне даны ощущения в моём сознании. Или: я сознаю наличие ощущений.

Ощущениями я называю всё сознаваемое, воспринимаемое, ощущаемое мною, то есть всё, с чем имеет дело моё сознание.

36

«Безусловная самодоверность наличного сознания есть коренная истина философии, и с её утверждения начинается каждый обширный круг

философского развития.

Нельзя ни в коем случае сомневаться в одном: в наличной действительности, в факте как таком, в том, что дано. Сознаётся присутствие таких-то ощущений, мыслей, чувств, желаний, – следовательно, они существуют как такие, как сознаваемые, или как состояние сознания».¹³

37

Впечатление ошибочности некоторых ощущений всегда связано не с их непосредственным восприятием, а с нашим осмыслением этих ощущений, то есть с другими ощущениями.

«Человек не заблуждается относительно представлений, которые он на самом деле воспринимает, но ошибается в выводах, которые он делает из своих наличных восприятий. Его ошибка заключается не в том, что он воспринимает непосредственно и в данный момент, а в неправильном суждении, составляемом им о представлениях, которые, по его предположению, связаны с непосредственно воспринимаемыми, или о представлениях, которые, как он воображает, исходя из того, что воспринимает в данный момент, будут восприняты при других

¹³ Соловьёв, Владимир Сергеевич; 1853—1900; Россия; философ, поэт.

38

«Мы знаем только существование наших ощущений, представлений и мыслей. Надо было бы говорить: „думается“, как говорят „гремит“; сказать „cogito“ уже слишком много, раз это переводится через „я мыслю“. Принимать существование Я, исходить из него есть практическая потребность». ¹⁵

39. Аксиома внешнего и внутреннего

Воспринимаемые сознанием ощущения очевидным образом распадаются для меня на две группы: внешние относительно сознания (или: представляющиеся внешними), то есть те, которые называют физическими ощущениями, и внутренние – эмоции, чувства, желания, мысли, образы, суждения...

Суть этой аксиомы не в том, чтобы ввести одну из простейших возможных классификаций, а в попытке выразить органическое свойство сознания трактовать любое ощущение как приходящее извне или изнутри. Внешние ощущения – это ощущения от окружающего мира и от своего те-

¹⁴ Бёркли, Джордж; 1685—1753; Англия; философ, епископ.

¹⁵ Лихтенберг, Георг Кристоф; 1742—1799; Германия; писатель, учёный.

ла (боль, голод и другие телесные сигналы). Всё остальное – внутренние ощущения, какие только можно представить.

Глубинный жизненный опыт, особенно религиозный, может свести нас и с такими ощущениями, в которых внешнее и внутреннее полностью слито воедино. Таким же образом можно воспринимать некоторые состояния, в которых мы не можем отличить чисто внутреннее от телесного (например, некоторые болевые состояния). Но здесь уже можно говорить о моментах слияния или тесной взаимосвязи внутреннего и внешнего, которые в обычном состоянии всё-таки вполне различимы.

40

Зная свою комнату относительно лучше, чем миллионы других комнат на свете, я и своё тело воспринимаю лишь как более известный мне компонент жизни, чем тела миллионов других людей. Моё самочувствие известно мне по физиологическим ощущениям, а о чужом приходится судить по словам или по внешним признакам. Вот и вся разница.

41

В качестве наиболее важной категории внутренних ощу-

щений я бы выделил чувства – способы восприятия тех или иных групп «первичных» ощущений, внешних или внутренних. Эти «вторичные» ощущения заключаются в удовольствии, неудовольствии, безразличии или в другом эмоциональном отклике на возникшие в сознании ощущения. Чувства отличаются друг от друга тем, на какие ощущения то или иное из них отзывается особенно живо. Таким образом, чувство – это ощущение отношения к определённого рода ощущениям.

42. Аксиома памяти

Я помню. Основную массу ощущений я воспринимаю как бывшие, прошедшие, как воспоминания об ощущениях, воспринятых ДО настоящего момента, до сейчас. Наверное, вообще правильнее подразумевать под ощущениями только воспоминания об ощущениях – настолько неопределённо и неуловимо то, что можно назвать настоящим моментом.

43

«Уже одно то, что ощущение длится, изменяет его, оно становится необратимым. Одинаковое не остаётся в данном случае одинаковым, но усиливается и обогащается всем своим прошлым».¹⁶

¹⁶ Бергсон, Анри; 1859—1941; Франция; философ

44. Аксиома действия

Я ощущаю себя действующим. Или: я ощущаю возможность изменять некоторые из испытываемых мной ощущений. Эта особенность сознания выражается в ощущении и намеренных действий, и невольных, и осуществлённых, и возможных.

45

«Наши восприятия дают нам очертания возможного действия на вещи гораздо более, чем очертания самих вещей. Контуры, которые мы замечаем в предметах, обозначают только то, чего мы можем в них достигнуть и что можем изменить».¹⁷

46

Дело даже не в том, что мы можем действовать. Правильнее сказать — мы не можем не действовать, но можем выбирать образ действия. С одной стороны, это внешние поступки, наше физическое поведение в материальном мире. С другой — воздействие на собственные внутренние ощущения. Впрочем, опять-таки правильнее сказать, что все ощу-

¹⁷ Бергсон, Анри; 1859—1941; Франция; философ

щения меняются постоянно, но мы можем в этом изменении участвовать.

47. Аксиома социальности

Я представляю себя находящимся среди людей, сознание которых не отличается принципиально от моего собственно-го. Или: среди внешних и внутренних ощущений имеются такие, которые побуждают меня воспринимать своё сознание как одно из многих ему подобных.

48

«Мера существующего или несуществующего есть каждый из нас».

«Мера — в себе самом, а подтверждение — в других».¹⁸

49

«Я существую», «я ощущаю», «я чувствую», «я помню», «я хочу», «я действую» — сколько «я», прежде чем дойти до последнего из них: «я лишь один из людей», — после которого начинается «мы»... Но только вернувшись с этим «мы» к существованию и ощущениям, к чувствам и памяти, к же-

¹⁸ Протагор; 481—411 до н. э.; Древняя Греция; философ

ланиям и действию, начинаешь постигать себя как личность, как явление неслучайное и небесмысленное.

Эти два движения могут не раз чередоваться. То человек в каждом из людей видит своё отражение, то каждого готов отразить в себе, считая воспринятый образ частью собственной души.

50

Аксиомы мышления нужны мне не столько во имя изначальности рассуждений, сколько из практической потребности в фундаменте, в нулевом цикле строительства мировоззрения. Это то самое «уточнение понятий», к необходимости которого обычно приходят собеседники после долгих споров. Мне показалось необходимым проделать такую работу до (надеясь на вместо) возникновения пагубных разногласий с самим собой.

51

Выделение аксиом, со многих точек зрения, довольно условно. Может быть, их назначение лишь в том, чтобы установить некоторый круг понятий и выражений, – только не в виде определений, а в виде первых попыток эти понятия применить.

Не менее условно и отделение аксиом друг от друга. Они

как бы составляют некую единую аксиому, расслоение которой необходимо лишь как развёртка моего мысленного представления об очевидном.

52

«Когда человек говорит, он должен сделаться на мгновение односторонним; без обособления не может быть ни сообщения мысли, ни поучения».¹⁹

53

Если в точных науках аксиоматика – тот исходный островок, с которого исследователь может надеяться достичь по логическому пути, аки посуху, обетованной земли просторных теорий, то в философии такие устремления не дают надёжных результатов. Здесь аксиомы нужны лишь для того, чтобы отграничить несомненное от предположительного, отделить эти области друг от друга – не догматически, а просто потому что в первом случае сомнения менее плодотворны, чем во втором.

«Мы должны начинать с разграничения между данным и заданным, между наличностью и предположениями. Но разграничивать одно

¹⁹ Гёте, Иоганн Вольфганг; 1749—1832; Германия; поэт, писатель, философ, учёный

от другого не значит ограничиваться одним».²⁰

Наконец, логическая направленность аксиом сообщает им определённую одноплановость. Значение подобного подхода велико для тех, у кого мышлением заправляет логика, но может сходить на нет для людей иного душевного склада.

54

В сознании можно выделять самые разнообразные категории – даже не за счёт абстрактной логической изошрённости, а каждый раз имея в виду реальные и важные явления. Во многом это разнообразие зависит от направленности взгляда. В структуру сознания можно углубляться столь же усердно, варьируя подходы, как физики углубляются в структуру материи. Но если физикам для изошрённых экспериментов нужна изошрённая аппаратура, то философу разнообразие обходится куда дешевле. Ведут к разнообразию и бесчисленные возможности объединения, разделения, комбинирования душевных и духовных реальностей, замеченных тобой или другими.

Такое занятие часто оказывается полезным для отдельных задач самопознания. Но опьяняться результатами такого творчества не стоит. Для других задач могут потребоваться другие решения.

²⁰ Соловьёв, Владимир Сергеевич; 1853—1900; Россия; философ, поэт

После установления (не введения, а осознания, уловления) аксиом мышления можно было бы попытаться установить и постулаты – гипотетические положения, не связанные с полной интуитивной уверенностью в их истинности, однако необходимые для полноты дальнейшего философского анализа. Но аксиомы достаточно просты и долговечны; если их не сформулировать в явном виде, они будут присутствовать в рассуждениях неявно. Более сложные гипотезы, преждевременно обращённые в постулаты, могут оказаться всего лишь забавными и ломкими игрушками или, хуже того, столпами для развивающегося мышления.

Философские постулаты – это перекрёстки, на которых люди расходятся по своим кварталам. Одно дело махнуть рукой в сторону дальнего перекрёстка, другое – распрощаться на нём, закончив общую прогулку.

Не надо, побродим ещё вместе, пока есть силы и предмет для дружеской беседы.

«То, что наше мышление провозглашает знанием, является обычно лишь неоправданной интерпретацией

Многие гипотезы мировоззрения считаются истинами только ввиду отсутствия опровергающих фактов. Когда же опровергающие факты всё-таки возникают, мировоззрение перестраивает соответствующую гипотезу так, чтобы она вбирала в себя эти явления или умела их интерпретировать, – после чего гипотеза снова на какое-то время годится в истины. То же самое, впрочем, происходит и в естественных науках.

57

Если быть логически педантичным, то об истине нужно было бы говорить только после того, как принята определённая совокупность аксиом или ставших постулатами гипотез. Тогда истиной следует называть любое их логическое следствие. Но эти «истины» оказались бы столь ограничены и убоги (если вообще верны), что такой титул выглядел бы насмешкой над их крошечным содержанием.

58

Всякое суждение либо субъективно, либо гипотетично. Суждение либо является попыткой выразить ощущения, либо основано на какой-то гипотезе об их происхождении (или

²¹ Швейцер, Альберт; 1875—1965; Германия; философ, врач, музыкант

само по себе является такой гипотезой). Тем самым суждения делятся на два типа: «таково моё ощущение» (субъективные суждения) и «это есть так» (гипотетические суждения, сколь бы ни были они безапелляционны по форме выражения).

59

Выбор и даже принятие гипотез – это не церемония, освящающая их и навсегда включающая в мировоззрение. Гипотезы – это одежды, которые можно выбирать и примеривать, менять часто или изредка, соотносить с новым периодом духовного развития.

60

В слове «гипотеза» нет ничего, что умаляло бы одно суждение или воззрение перед другими. Предположения умных дороже убеждений глупцов.

Гипотеза, утвердившая себя в сознании до очевидности, может быть названа истиной, как человек может быть назван королём или императором. Однако эти звания не гарантируют от свержения с престола.

61

Одним из примеров философского отчуждения при переходе от гипотезы к постулату является так называемый «основной вопрос философии». Решение о соотношении внутренних и внешних ощущений (онтологическом или гносеологическом) не может быть найдено научно, но и не может быть оставлено предположительным при разработке философской системы, претендующей на полноту. Поэтому гипотеза, увязанная с остальными тезисами системы, становится постулатом, но при этом она именуется истиной и сопровождается комментариями, призванными играть роль доказательств. Таким образом, вопрос снят, можно поставить точку или даже восклицательный знак. Однако совесть философа всегда напоминает ему, что здесь наиболее уязвимое место его системы, — и поэтому именно здесь он встретит в штыки любое иное воззрение. Ахиллесовой пятой здесь становится стремление к полноте системы, к её логической стройности.

62

Осознать происхождение, источник, природу ощущений и чувств, разумеется, можно. Но если делать это честно и последовательно, то всякое такое осознание сводится либо

к вере, либо к гипотезе – какую бы конкретную форму оно ни принимало, каким бы «-измом» или «-анством» ни называлось.

Сейчас я заменил бы слово «вера» в данном контексте на выражение «ощущение достоверности». Да ведь и среди гипотез мы выбираем то, что кажется нам на вкус более достоверным. Из этих ощущений достоверности мы и строим все наши мировоззренческие сооружения, соединяя их логикой и красноречием.

63

У Станислава Лема есть рассказ о человеке, конструировавшем аппараты, в которых электронные устройства воспроизводили в точности всё то, что мы считаем человеческим сознанием. В каждом была смоделирована индивидуальная совокупность чувств, питаемых внешними и внутренними ощущениями («внутренними» лишь в принятой выше терминологии – там они вводились извне, как и «внешние», но воспринимались как внутренние). Если такую фабрику представить технически осуществимой – будет ли это имитацией или созданием сознания? И могу ли я логически удостовериться, что моё сознание не создано подобным образом?..

«Разве всемогущий Бог не мог бы вызывать в наших чувствах те же ощущения, какие вызывает присутствие предметов? Но если бог может это делать, как доказать, что он в этом отношении не пользуется своим могуществом и что вся Вселенная не есть только явление?..

Если мы более уверены в нашем собственном существовании, чем в существовании тел, последнее, следовательно, является лишь вероятностью, которая, без сомнения, очень велика и практически эквивалентна очевидности, но которая остаётся всё же лишь вероятностью».

«Вопрос, имеют ли вещи вне нас объективную реальность, лишён всякого разумного смысла. Мы по своей природе вынуждены утверждать, что определённые объекты нашего ощущения существуют вне нас; мы не можем иначе. Этот вопрос почти столь же абсурден, как и вопрос, является ли синяя краска „действительно синей“? Мы не в состоянии выйти за пределы этого вопроса».²²

«Мы должны лишь заботиться о том, чтобы

²² Лихтенберг, Георг Кристоф; 1742—1799; Германия; писатель, учёный

наши рассуждения о свойствах вещей согласовались с ощущениями, получаемыми от них, то есть чтобы то, что мы мыслим о них, вполне согласовалось с опытом».²³

66

С кибернетической точки зрения, сознание представляет собой некий «чёрный ящик», в котором происходит взаимодействие обрабатывающей программы (блоками которой служат чувства) с обрабатываемыми данными (внешние и внутренние ощущения). Результатом этого взаимодействия является новая информация (такие внутренние ощущения, как эмоции и умозаключения), которая, возникая, также немедленно пускается в обработку.

Человеческое достоинство обычно считает такой подход унижительным, связанным с признанием автоматизма жизни и мышления. Но человеческое существование основано на многих механических структурах (скелет, например) или, скажем, на биохимических процессах. Ничего плохого в этом нет. Унижительны не механические основы жизни, а механический её результат.

²³ Мальбранш, Никола; 1638—1715; Франция; философ

67

Любое свойство мира – это, по сути, свойство сознания считать что-либо свойством мира.

68

Каким образом сознание могло бы постичь природу, происхождение тех ощущений, с которыми имеет дело? Любое постижение – будь то научное познание или религиозное озарение – само будет внешним или внутренним ощущением. Каждый из нас при этом как бы получает анонимное письмо (первоначальные ощущения, образующие некоторое представление о своей личности и о мире), вслед за которым приходит новое письмо (постижение) с указанием автора предыдущего. Но второе письмо также анонимно, не в смысле отсутствия подписи, а по своей сути. Достойно ли оно большего доверия? Не нуждаемся ли мы в третьем письме – со сведениями (опять неизбежно анонимными) об авторе второго письма? В четвёртом? В пятом?..

Разорвать эту бесконечную цепочку сомнений можно лишь с помощью ощущения доверия к очередной подписи, порождающего веру в неё.

69

«Предпочтительнее всякий раз, когда это оказывается возможным, помещать источник тайны в нас самих; таким образом мы по возможности сократим пагубную область заблуждений, разочарования, бессилия».²⁴

70

Утверждение невозможности логического доказательства того, что материя объективна, что внешний мир существует независимо от нашего восприятия, только тогда оказалось бы бесполезным и абсурдным, когда сопровождалось бы отрицанием чувства уверенности в реальности окружающего. Отказ же от теоретических фикций скорее очищает и укрепляет это чувство.

Независим ли мир от человеческого представления о нём? – Да, конечно.

Можно ли это доказать? – Конечно, нет.

71

Бояться разрушительного воздействия агностицизма

²⁴ Метерлинк, Морис; 1862—1949; Бельгия; драматург, поэт

на наши привычные представления малодушно как с точки зрения решимости к познанию, так и ввиду мнимости производимых разрушений. Ведь «одни и те же начала, ведущие, на первый взгляд, к скептицизму, будучи доведёнными до определённого пункта, приводят человека обратно к здравому смыслу»²⁵.

Забегая вперёд, стоит вспомнить, что речь идёт лишь о логическом агностицизме. Сейчас, наверное, я не стал бы специально сосредотачивать внимание на этом термине, имеющем собственное историческое и даже эмоциональное звучание. Дело не в агностическом подходе к познанию, а в признании равных возможностей к познанию для различных человеческих чувств. Слово «агностицизм» служит здесь лишь как противовес традиционным и неоправданным преимуществам логики.

73

«Мы должны сохранять свой скептицизм во всех случаях жизни. Если мы верим тому, что огонь согревает, а вода освежает, так это оттого, что иное мнение стоило бы нам слишком больших страданий».²⁶

²⁵ Бёркли, Джордж; 1685—1753; Англия; философ, епископ

²⁶ Юм, Дэвид; 1711—1776; Англия; философ, историк, писатель

«Строго говоря, мы видим не тот самый объект, который мы осязаем; и не один и тот же объект воспринимается через микроскоп и невооружённым глазом. Люди комбинируют несколько представлений, которые получаются либо с помощью разных чувств, либо с помощью одного чувства в разное время или в разной обстановке, и относительно которых замечено, что они имеют некоторую природную связь — в смысле сосуществования или в смысле последовательности; всё это люди подводят под одно название и рассматривают как одну вещь.

Когда я исследую, пользуясь помощью других чувств, вещь, которую я видел, я это делаю не для того, чтобы лучше понять тот же объект, который я лучше воспринимал зрением, ибо объект одного чувства не воспринимается другими чувствами. И когда я смотрю в микроскоп, это не значит, что я могу воспринять яснее то, что я уже воспринимал невооружённым глазом, ибо объект, воспринимаемый через стекло, совершенно отличен от прежнего. В обоих случаях моя цель состоит только в том, чтобы узнать, какие представления связаны друг с другом».²⁷

²⁷ Бёркли, Джордж; 1685—1753; Англия; философ, епископ

75

«Кажется» – очень точное слово, несмотря на то, что оно ассоциируется у нас с приблизительностью. «Это так» – всегда сомнительно. «Мне кажется, что это так» – безукоризненно точно, если искренне.

76

Можно ли вообще избежать решительного выбора и принятия конкретной мировоззренческой гипотезы или системы? Пусть даже нам удалось соблюсти осторожность в области абстрактных рассуждений. Но ведь при переходе к практике, к действию – этот выбор становится насущной необходимостью, не так ли?

Но и в самой деятельной жизни можно обойтись без гносеологической определённости. Гипотезы или принятые за истину постулаты охватывают лишь логическую сторону жизневосприятия, тогда как истоки наших действий и самой способности к ним лежат в областях интуитивного, личностного самосознания.

77

«Постарайтесь, если это возможно, представить себе

мир таким, каков он есть сам по себе, независимо от чувств, какие он вам внушает, от вашей симпатии и антипатии, от ваших опасений и надежд. Трудно вообразить что-нибудь более пустое и мёртвое».²⁸

Столь же трагичен был бы образ мира, который некому видеть, звуки которого некому слышать... – мира вне восприятия. Подобно тому, как мы нуждаемся в органах чувств, чтобы ощущения дошли до нашего сознания, мы нуждаемся во внутренних чувствах, чтобы «разглядеть» и «расслышать» пришедшие ощущения. Потребность во внутренних чувствах острее потребности во внешних и ещё теснее связана с сущностью жизни.

«Все внешние события, внешние слова и жесты для нас мертвы и непроницаемы, если они не означают внутренних событий, внутренних слов, если они не расшифровываются из глубины духа. Открывается для меня лишь то, что открывается во мне. Имеет смысл для меня лишь то событие, которое происходит со мной».²⁹

78

«Каждый человек всегда говорит только о себе самом, но для глупца его Я – весь мир, для мудрого же

²⁸ Джеймс, Уильям; 1842—1910; Америка; философ, психолог

²⁹ Бердяев, Николай Александрович; 1874—1948; Россия, Франция; философ

79

«Наше Я может расти и обогащаться, беднеть и сжиматься, становиться самому себе чужим и раздваиваться – одним словом, подвергаться значительным изменениям уже в течение своей жизни. Несмотря на всё это, для моего инстинктивного воззрения моё Я является самым важным и самым постоянным.

Практически, совершая какие-нибудь действия, мы столь же мало можем обойтись без представления Я, как мы не можем обойтись без представления тела, протягивая руку за какой-нибудь вещью. Физиологически мы остаёмся эгоистами и материалистами с таким же постоянством, с каким мы постоянно видим восход солнца. Но теоретически мы вовсе не должны придерживаться такого взгляда. Попробуем же его изменить! Если новый взгляд внесёт какой-нибудь свет в наше познание мира, он в конце концов неизбежно принесёт свои плоды и в области практической жизни».³¹

³⁰ Еремич, Драган М.; Югославия; современный автор

³¹ Мах, Эрнст; 1838—1916; Австрия; философ

Агностицизм может пропитывать и повседневную жизнь в виде рационального скептицизма и сомнений, плодотворность которых зависит от личности того, к кому они приходят. По мере духовного развития, по мере осознания неизбежности такого «бытового агностицизма», он становится из стихийной силы – созидательной. Как солнце, испаряя со стенок сосуда влагу, охлаждает его своим жаром, так агностицизм может способствовать усиленному развитию знания и уверенности. Он заменяет брэнное доверие фактам на твёрдое постижение той истины, что знание любого факта имеет второстепенное значение сравнительно с переживаемыми ощущениями и чувствами.

Стоило бы в конце этой главы вернуться к её основной теме: аксиомам мышления. Хотя бы для того, чтобы агностицизм не воспринимался здесь как главный герой. Он появился здесь лишь как антитеза математическому, логическому соблазну построения строгой философской аксиоматики. Как напоминание о том, что наши гносеологические постулаты – всего лишь логические предположения. То, что человек может счесть для себя аксиомами, должно быть простым, естественным для него и поэтому не сводимым к универсальной для всех формулировке.

Философия и философование

81

Пусть любовь к мудрости сама будет мудрой, пусть отличается любимое от теней и подобий. Пусть не унижится до педантичной логической рационализации, до нумизматического увлечения эрудицией, до пустой велеречивости.

И пусть будет любовью.

82

У философии нет никаких прав на усложнённость. Изощрённые построения порождаются традицией или модой, как архитектурные стили. Но если философия к жизненным сложностям начинает добавлять собственную замысловатость, она действует против интересов тех, кому нужна.

«Самый лучший философ – это человек, который может мыслить всего проще».³²

83

³² Грот, Дж.

«Философия есть функция жизни, самосознания и просветления жизни, она совершает своё дело в жизни и для жизни и всегда зависела от того, что совершалось в глубине жизни». ³³

84

Предмет философии – человек. А уж затем и всё остальное, поскольку оно дано ему в восприятии.

Естественная цель философии – изучение возможностей человека быть счастливым.

В частности, предмет и цель философии подразумевают её выход (но не обязательную детальную углублённость) во все области человеческой деятельности, материальной и духовной, – чтобы с помощью выработанных философией способов формирования конкретного индивидуального мировоззрения человек мог осознать все стороны своего существования как единое целое.

Такая лобовая формулировка предмета и цели философии может быть понятна как личная, вкусовая позиция. В ней слышится и противопоставление официальной советской догматике, и потребность молодого мышления в определённости, и другие психологические мотивы. Но и вкус у меня давно

³³ Бердяев, Николай Александрович; 1874—1948; Россия, Франция; философ

изменился, и не могу я теперь рассматривать эту позицию как общефилософскую основу мышления. В качестве такой основы гораздо эффективнее служит представление об ориентировании как первичной потребности человека, приводящей его к философии. Если исходить из этого, то описанный здесь подход (развиваемый и дальше) окажется лишь одним из способов ориентирования, имеющим довольно ограниченную зону действия.

85

Я говорю о счастье как о наиболее желательном состоянии, будь то состояние довольства или страдания. В этом смысле любая направленность поведения или мышления выражает стремление человека к своему счастью в меру его способностей к пониманию и предвидению. Получается всего лишь расширенное толкование слова, и эта произвольная интерпретация ещё не даёт оснований объявлять счастье предметом философии.

Философия начинается тогда, когда пытаются постичь пути достижения желательных состояний — а значит и сами эти состояния, и представления о них, и направляющие к ним желания, и способы сохранения этих состояний, и переходы от одних к другим. Осознать, изучить, почувствовать — и, в конечном итоге, пережить самому или помочь пережить

другому. Здесь философия кончается.

86

«Когда философ изучает людей, его предмет есть их благо».³⁴

«Каждому живётся хорошо или плохо в зависимости от того, что он сам по этому поводу думает. Доволен не тот, кого другие мнят довольным, а тот, кто сам мнит себя таковым. И вообще, истинным и существенным тут можно считать лишь собственное мнение данного человека».³⁵

87

Понятие «счастье» в одно и тоже время примитивно до тавтологии (лучше всего для человека то, что для него лучше всего) – и сложно до неисчерпаемости. Этим словом можно пользоваться для внутренней и педагогической работы, но не для логических дискуссий. Можно даже обходиться без этого термина, не забывая тем не менее, что состояние существует, оно вполне реально для испытывающих и признающих его.

³⁴ Гельвеций, Клод Адриан; 1715—1771; Франция; философ

³⁵ Монтень, Мишель де; 1533—1592; Франция; философ

Методом истинной философии может быть только личное усвоение. Философ должен говорить от своего имени об усвоенных им истинах. Ссылки на предшественников могут быть примерами того же подхода или ссылками на приоритет, но ни в коем случае не на авторитет – ничьё имя не является надёжным доказательством правоты. Количество и весомость авторитетов, подтверждающих твою мысль, никогда не возведут её в ранг истины, равно как и противоречащие голоса не опровергнут её одной своей значительностью.

Изучение систем и учений, их история, анализ, критика, сопоставление взглядов отдельных философов или школ – всё это составляет предмет некоего «философоведения». Так искусствоведение занимается историей и анализом искусства, не претендуя на то, чтобы самому считаться неотъемлемой его частью. Так литературоведение изучает литературу, а языковедение – язык, но при этом литература и язык живут собственной жизнью, а вовсе не по законам, диктуемым литературоведами или языковедами.

«Пока что понятие философии есть лишь школьное

понятие, а именно понятие о системе знания, исследуемого лишь в качестве науки с одной только целью – систематическое единство этого знания, стало быть, логическое совершенство его. Но существует ещё мировое понятие, которое всегда лежало в основе термина философия, в особенности когда это понятие, так сказать, персонифицировалось и представлялось как бы в идеале философа как образца. В этом смысле философия есть наука об отношении всякого знания к существенным целям человеческого разума».³⁶

90

В каждой сфере духовной и практической жизни существуют свои «авгуры» – знатоки, специалисты, общепризнанные авторитеты. Чаще всего они играют вполне естественную роль. Но в некоторых областях – и первая из них философия – существование авгуров частично противоречит природе олицетворяемого ими знания. Главная задача философа перед остальными людьми – пробудить в каждом самостоятельное мировоззренческое начало, способность предпочитать мнению любого авгура то, что необходимо собственной душе.

91

³⁶ Кант, Иммануил; 1724—1804; Германия; философ

«Философ только тот, который спустил до своего уровня высшее и который до того же уровня поднял низшее, тот, который чувствует себя равным и братом всего живущего».³⁷

92

«Личность в философии столь же дозволительна, как и самая истина».³⁸

«Если на вопросы о жизни и смерти человек принимает ответы других прежде живших людей, то всё-таки выбор и признание этих ответов зависит от него самого».³⁹

93

«Не только в поэзии и музыке, но и в философии мы должны следовать своему вкусу и чувству. Когда я убеждён в каком-нибудь принципе, это значит только, что известная идея особенно сильно действует на меня. Когда я отдаю преимущество одной цепи аргументов перед другой, я только решаю на основании чувства,

³⁷ Карлейль, Томас; 1795—1881; Англия; писатель

³⁸ Радищев, Александр Николаевич; 1749—1802; Россия; писатель

³⁹ Толстой, Лев Николаевич; 1828—1910; Россия; писатель, мыслитель

какая из них имеет более сильное влияние на меня». ⁴⁰

94

Самые высокофилософские вопросы – о смысле жизни, о смерти, об идеалах, о духовном богатстве, о развитии человечества и так далее – являются в то же время самыми практическими, самыми жизненно важными вопросами. Ведь они относятся к основным ориентирам человеческого существования, и от них зависит, правильно ли мы пользуемся нашими маленькими житейскими ориентирчиками.

95

Философия должна подготавливать поступки, выводить к ним, лежать в их основе – но не пропитывать и не вытеснять действий рассуждениями.

«Метафизика в делах служит к тому, чтобы всё смешивать: она готовит для совести убежище в туманах». ⁴¹

⁴⁰ Юм, Дэвид; 1711—1776; Англия; философ, историк, писатель

⁴¹ Сталь-Гольштейн, Анна Луиза Жермена де, баронесса де Неккер (мадам де Сталь); 1766—1817; Франция; писательница

В сущности, все философские категории, схемы, логические и интуитивные построения – это лишь приспособления, орудия, сооружения, мастеримые в целях душевного удобства, как мастера одежд, мебель, дома в целях удобства физического.

Но при изучении материального мира человек не ограничивается поисками непосредственно полезного – и в духовной области тоже возникают теоретические интересы. И тут и там абстрактные, теоретические изыскания приводят рано или поздно всё-таки к практическим результатам, лишь бы постижение было истинным, потенциально плодотворным.

Точнее было бы отличать психологические сооружения, обеспечивающие здоровое и удобное существование души, от философских находок, служащих для ориентирования. Но во многом терминология и практика использования этих вещей накладываются друг на друга.

«Пусты слова того философа, которыми не врачуетсЯ никакое страдание человека. Как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезней из тела,

так и от философии, если она не изгоняет болезни души».⁴²

«Как религия предписывает, чтобы вера обнаруживалась в делах, так то же самое наилучшим образом применимо и к философии: судить о ней нужно по плодам и считать суетной ту, которая бесплодна».⁴³

98

И теоретическая философия, оперирующая абстракциями, обобщениями и логическими суждениями, и художественная философия, пользующаяся языком образов, притч и эстетических переживаний, питаются от практической философии, философии поведения – и питают её. Оторвать их от этой почвы – значит прекратить их естественное существование, превратить их в нарядные букеты, чьи лепестки ещё радуются жизни, а обрезанные стебли уже задыхаются без земных соков.

99

Философские рассуждения, даже наиболее красочные и зажигательные, всегда безнадёжно скучны по сравнению с действительными переживаниями. Так же скучны, как тех-

⁴² Эпикур; 341—270 до н. э.; Древняя Греция; философ

⁴³ Бэкон, Френсис (Веруламский); 1561—1626; Англия; философ, государственный деятель

ническая документация на высокопроизводительные станки и заводы, – только ещё более необходимы.

100

Что значит «заниматься философией»? Для одних это может оказаться чтением книг, для других – разговорами с такими же искателями истины, для третьих – сочинением статей и монографий по избранным метафизическим вопросам. Однако есть два момента, без каждого из которых любое философствование окажется неполноценным: самостоятельное мышление и воплощение философских представлений в жизнь.

«Погружённость в повседневные заботы и интересы, с одной стороны, и тщеславное самодовольство мнений – с другой, – вот что враждебно философии».⁴⁴

102

«Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устаёт заниматься философией: ведь никто не бывает ни недозрелым, ни перзрелым для здоровья души. Кто говорит, что ещё не наступило или прошло время для занятий философией, тот похож на того, кто говорит, что для

⁴⁴ Гегель, Георг Вильгельм; 1770—1831; Германия; философ

103

Чтобы придать более верное направление своей жизни, человеку не обойтись без философии. Но ведь философия требует какой-то склонности, какой-то предрасположенности. Нет ли здесь замкнутого круга, отгораживающего людей философского склада от иных натур и характеров?..

Но философия обладает способностью, отказываясь от своих специфических требований к мышлению и даже от самого своего имени, растворяться во всевозможных проявлениях жизни. Вот она в образах искусства, вот она в молитве верующего, вот она в научных открытиях, в исторических преданиях, в сосредоточении йога, в житейском опыте. Философия не только выводит человека к необходимым для него просторам, но и встречает его на тех путях, по которым он уже бродит без провожатого, она служит ему безлико и ненавязчиво — как не дают заблудиться в лесу зарубки на деревьях.

104

Философия помогает не столько в оценке отдельных явлений нашей жизни, сколько в их соразмерении друг с другом.

⁴⁵ Эпикур; 341—270 до н. э.; Древняя Греция; философ

«Вся мудрость человеческая в том и состоит, чтобы определить, что нужнее всего человеку знать».⁴⁶

Роль философии прежде всего распорядительная, она должна уметь подвести к той или другой двери, открыть её и выпустить человека по верной дороге, по его дороге, в один из миров – в мир практической жизни, мир искусства, мир науки, мир религии, в один из множества миров или общую их область. Философия должна и сопутствовать человеку, но не посредством внешнего познания окружающего, а поддержанием внутренней ориентации, сокращающей блуждания и помогающей, если нужно, вовремя подойти к новой двери.

105

Формировать мнение или воззрение по любому и каждому возникающему у человека вопросу не может быть непосредственной задачей философии. Она создаёт фундамент мнений и воззрений. Отсюда проистекает её сдержанность по отношению к сиюминутному, к актуальному, известная её «философическая отрешённость».

106

Усилия по разработке универсальных правил движения

⁴⁶ Толстой, Лев Николаевич; 1828—1910; Россия; писатель, мыслитель

к счастью представляются мне упражнениями, достойными внимания и гимнастически полезными, но, с точки зрения намечаемой ими цели, совершенно тщетными. Можно лишь стараться выявить некоторые основные свойства человеческого сознания, можно описывать, собирать и пропагандировать различные приёмы воспитания, самовоспитания и совершенствования (в ориентации на достижение конкретным человеком своего действительного счастья, а не того, что *должно быть* его счастьем), можно раскрывать возможности, таящиеся в отдельных чувствах и ощущениях. Никакие советы нельзя превращать в обязательные предписания, настаивать на их выполнении абстрактно, безотносительно к личности, к конкретному соотношению чувств, населяющих сознание.

107

«Истинное красноречие пренебрегает красноречием, истинная мораль пренебрегает моралью. Пренебрегать философией значит истинно философствовать».⁴⁷

Действительно, как красноречие жизненно лишь тогда, когда его целью является убеждение, так мораль ценна лишь той внутренней силой, которая порой имеет право не считаться с моральными предписаниями. Философия обретает

⁴⁷ Паскаль, Блез; 1623—1662; Франция; философ, учёный

смысл только с того момента, когда она подходит к выходу из собственных специфических рамок. Одним из обязательных итогов философии является осмысление своей ограниченности, своей подчинённости живому существованию.

«В жизненном акте восприятия всегда заключается нечто, что ускользает от рассудка и что недоступно никакой рефлексии. Никто не знает этого лучше, чем философ. Он пытается проникнуть своим умом в живую ткань действительности, так как к этому побуждает его призвание, но он знает, что эта цель недостижима».⁴⁸

108

«В начале всякой философии лежит удивление, её развитием является исследование, её концом — незнание. Надо сказать, что существует незнание, полное силы и благородства, в мужестве и чести ни в чём не уступающее знанию, незнание, для постижения которого надо ничуть не меньше знания, чем для права называться знающим».⁴⁹

⁴⁸ Джеймс, Уильям; 1842—1910; Америка; философ, психолог

⁴⁹ Монтень, Мишель де; 1533—1592; Франция; философ

В безграничность и безусловную достоверность философского познания верят не истинные его добытчики, а те, кто имеет дело с уже извлечёнными на поверхность ценностями, с уже сформированными представлениями. Так театрал возмущается профессиональным цинизмом актёра и призывает его поверить в созданный на сцене идеал.

Может быть, и не обязательно уточнять, что здесь идёт речь о разнице не в отношении к идеалу, а в отношении к средствам его раскрытия. Но сам я, перечитывая этот фрагмент, понял это не сразу и хотел бы уменьшить риск читательского непонимания. К слову сказать, раньше я относился к возможности непонимания более равнодушно. И когда теперь я не сразу понимаю самого себя, мне видится здесь если не наказание, то некий укор за это равнодушие.

Та философия, которая занята осмыслением своих собственных категорий, своего собственного развития, которая увлечена изощрённой детализацией той или иной ос-

новополагающей гипотезы, выдаваемой по недоброй традиции за истину, которая поддерживает своё рыхловатое тело жёстким корсетом авторитетов, которая старается удовлетворить чувство логики без оглядки на остальные чувства, — не по праву носит имя философии. Можно ли называть любовью к мудрости любовь к рассуждениям?

«Философий две: одна — сообразно истине, другая — сообразно мнению».⁵⁰

111

Отграничение истинной философии от философствования необходимо, но вместе с тем оно и довольно условно. И оно становится нарочитой крайностью, если требовать непременно причисления каждого способа осмысления философских идей к философии или к философствованию.

Многие настоящие философы сформировались в традициях философствования, говорили на его языке, мыслили его образами. Именно благодаря им философствование обрело столь огромную и всё-таки незаслуженную власть над философией.

112

⁵⁰ Парменид Элейский; р. 540 до н.э.; Древняя Греция; философ

«Есть учёные, для которых сама история философии (как древней, так и новой) есть их философия. Им следует подождать, пока те, кто старается черпать из источников самого разума, кончат своё дело, тогда будет их черёд известить мир о совершившемся».⁵¹

113

Хороший философевед напоминает работника патентного бюро: в ответ на любую философскую идею он считает своим долгом указать её прототип и место в классификационной системе. Он ощущает себя хозяином философии, её распорядителем, относясь к философам с административной снисходительностью. Он по-своему прав, и должность его необходима, но – философы, сторонитесь этой работы!..

114

«Самобытный мыслитель находится в таком же отношении к обыкновенному книжному философу, как очевидец к историческому исследователю; он говорит на основании собственного непосредственного знакомства с делом. Поэтому-то все самобытные мыслители в основе сходятся между собой, и всё их различие проистекает только от точки зрения; где же

⁵¹ Кант, Иммануил; 1724—1804; Германия; философ

таковая не изменяет дела, там все они говорят одно и то же».⁵²

115

Философоведческая оценка крупных философов даёт очень слабое представление об их творчестве. Отбрасывается, как нарочно, самое главное – то, в чём они сходятся друг с другом. Оригинальные положения вытаскиваются на первый план, оригинальность их, то есть обособленность, старательнейшим образом подчёркивается. Внутренние противоречия пригашаются, систематичность учения усиливается до предела. Составляется краткое резюме, ставится инвентарный номер – и набальзамированные останки некогда живого человеческого мировоззрения отправляются в гробницы учебников и хрестоматий.

116

Философские словари и энциклопедии (самые что ни на есть философovedческие книги) любопытны своим вынужденным непочтением к логической основательности учений. По краткости изложения им приходится игнорировать всю старательную строгость доводов и выводов, к которой философведение надеется приучить философию. Остают-

⁵² Шопенгауэр, Артур; 1788—1860; Германия; философ

ся лишь краткие и очаровательно бездоказательные перечни идей. Другое дело – насколько они затуманены неизбежной для любого справочника тенденциозностью.

117

При знакомстве с тем, что именуется современной философией, при чтении авторов, столь уверенных в своём праве на поучение, безапелляционно трактующих грандиозные вымышленные проблемы, я время от времени с новым недоумением пускаюсь проверять свои представления о философии. Возможно ли, чтобы столько душ и умов так усердно занимались неким диковинным спортом рассуждений, изощрённым интеллектуальным конструированием, считая именно это поисками (и более того – нахождением) истины?..

118. Притча о кислом вине

Хозяин угощал гостей вином, которое оказалось таким кислым, что никто не мог его пить. Тогда один из гостей сказал: «Я знаю, как избавиться от этой кислоты». – «Как?» – заинтересовался хозяин. – «Надо накрыть кувшин листком бумаги, перевернуть его и оставить так на ночь во дворе. К утру никакой кислоты не будет». – «Да, но и вино всё выльется», – возразил хозяин. – «Конечно, только ведь оно такое кислое, что и жалеть его нечего».

Само по себе явление, названное здесь философованием, вполне положительно. Кому пришло бы в голову бороться за искоренение литературной критики или истории искусства? Но присматриваясь к возможности освобождения философии от ненужного ей непосредственно балласта, приходится выделить это слово для поясняющего противопоставления, для проведения линии раздела – может быть, нарочито резкой.

Не философование порочно, а философование, выдающее себя за философию, псевдофилософия, пытающаяся – как Тень в андерсеновской сказке, – не только жить самостоятельной жизнью, но и подчинить себе своего природного властелина.

Философование опасно не столько тем, что даёт приют ограниченности там, где основные усилия должны быть направлены на борьбу с нею, сколько своим воздействием на настоящую философию. Оно не может, конечно, заставить истинного мыслителя удержаться в рамках установленных жанров и проблем, но силится подsunуть ему свой примитивный и вместе с тем освящённый традицией набор ин-

струментов: свои категории и классификации, свою терминологию и свои методы изложения. Талант может начать работать и с помощью этих ученических принадлежностей, но кто знает, сколько сил при этом будет потеряно напрасно...

«Философ, умело классифицирующий элементы познания, учёный, расчленяющий мёртвое тело, практик, заслоняющий временными задачами подлинные глубины жизни, — как много ложных семян посеяли они в нашем мозгу, как далеко увели от того изумления перед фактом бытия, которое является началом истинной философии!»⁵³

121

Восточная точка зрения — что древние были ближе к истине, чем мы, — не так уж парадоксальна и для человека западной культуры.

В древности человек был, по-видимому, не менее чем сейчас пытлив и разумен — и имел гораздо больше свободного времени и внимания (меньше отвлечений), чтобы сосредоточиться на внутреннем, на осмыслении важнейших вопросов человеческого существования. Позже — в резко возрастающей последовательности — проблемы мельчали и множи-

⁵³ Мень, Александр Владимирович; 1935—1990; Россия; православный священник, писатель

лись, интеллект подвергался всё более и более усиливающейся специализации, силы человечества распылились по тысячам направлений.

Мы отвыкли жить главным. Вот почему усилия всей армии философоведов не помогут нам так понять Сократа, как понимал его не имевший даже нашего среднего образования собеседник. Вот почему сейчас специалисты даже по самой узкоспециальной технической области захлёстнуты потоком книг и статей, а те, кто задумывается о сути человеческой жизни, не найдя опоры в современности, обращаются вспять, к прозрачным истокам человеческой мысли о человеке.

122

«Мы хорошо знаем, что все человеческие идеи вращаются в ограниченном кругу, то появляясь, то исчезая, но не переставая существовать».⁵⁴

«Как дерево из года в год приносит одни и те же, но каждый раз новые плоды, так и все идеи, имеющие непреходящую ценность, должны вновь и вновь рождаться в мысли».⁵⁵

⁵⁴ Роллан, Ромен; 1866—1944; Франция; писатель

⁵⁵ Швейцер, Альберт; 1875—1965; Германия; философ, врач, музыкант

Древние идеи обновляются неминуемо, даже без всяких человеческих усилий. Как бы старательно их ни сохранять, как бы скрупулёзно ни воспроизводить, они не могут предстать перед нами в прежнем обличье. Они всегда переведены – не только с языка на язык, но и с одного восприятия на другое, потому что мы сами уже далеки от прошлого. Они всегда вырваны из контекста – не обязательно из контекста произведения, но из контекста того мира, в котором они рождались, той культуры, к которой они относились, и этот контекст уже не может быть восстановлен полностью.

Стихийного обновления идей не избежать, а значит в обновлении необходимо участвовать – ориентируя его на современные и будущие потребности человечества, увидеть которые можно только сквозь собственное личностное восприятие.

При знакомстве с различными философскими позициями легко возникает впечатление, что каждый философ занят не столько поисками объективных истин, сколько обоснованием того, что ему самому по душе. В каком-то смысле так оно и есть. Но в основу этого «по душе» ложится вся та рабо-

та, которую философ проделывает для формирования и выражения своего мировоззрения. Он ищет, выбирает, усваивает — соединяя свою душу с теми идеалами, которые он защищает и проповедует.

Борясь за свои взгляды, философ борется за себя, но это говорит не об эгоизме, а о подлинности усвоения.

125

Философ вынужден быть нескромным. Нескромность кроется в самом факте обращения к людям с результатами своей мировоззренческой работы. Такое обращение подразумевает, что о том, чем живут все, он знает нечто, не всем известное. Можно отводить заслугу от своего «я» к высшему началу, но и признание за собой избранничества — тоже нескромность.

Обычно философы выбирают один из двух путей: либо включают эту неизбежную нескромность в своё кредо и не считают должным оправдываться за неё, либо стараются приковать внимание публики к самим излагаемым идеям, превознося их внутреннюю истинность. Но и второй путь всё же основан на проповеди преимущества своих личных воззрений.

Спасает игра, танец, ирония, небоязнь противоречий. Можно уважать истину в своих суждениях — и вместе с тем посмеиваться, когда обнаружишь в них себя.

«Если философы и не поступают всегда так, как говорят, то всё-таки они приносят большую пользу тем, что они рассуждают, что они намечают нравственные идеалы. А если бы они и действовали согласно своим речам, то никто не был бы счастливее их».⁵⁶

Последнее нельзя понимать буквально – ведь состояние счастья для разных людей плохо поддаётся сопоставлению. Об этом важно помнить, чтобы остережся соблазна судить об учении философа по успехам его собственной жизни. Нельзя рассматривать идеи только в свете счастливой или несчастной судьбы их носителя.

«Наше счастье не аргумент за и против. Человек может найти себе такую жизнь, в которой он осуществит возможно высшую меру счастья: и при этом всё-таки жизнь его будет жалка и незавидна».⁵⁷

«Всякий мыслитель боится быть понятым больше,

⁵⁶ Сенека, Луций Анней; 4 до н.э. – 65; Древний Рим; философ, писатель

⁵⁷ Ницше, Фридрих; 1844—1900; Германия; философ

Недостаточное понимание обеспечивает некоторое напряжение, разность потенциалов, способствующую работе мысли и воображения, помогающую по-своему осознать идею, подогнать её к собственной душе. Полное же понимание в действительности невозможно или маловероятно и является обычно лишь иллюзией, препятствующей истинному усвоению.

128

Бессмысленно уподоблять философию точным наукам. Это можно сделать только за счёт искоренения личностного начала или догматизации личностных достижений прошлого. Как ни старайся наукообразно обезличить философию, разница видна даже в терминологии. Есть гегельянство и марксизм, но нет ньютонианства или менделеевизма.

129

Философия не должна отказываться ни от родства с наукой, ни от родства с искусством. Если непременно выбирать формулировку, она является скорее искусством, но искусством, действующим на все чувства, то есть на логику тоже, а наука — это именно искусство воздействия на логику.

⁵⁸ Ницше, Фридрих; 1844—1900; Германия; философ

Традиции логической философии, то есть философии, обращённой исключительно к логике или пытающейся держаться таким образом, очень основательны. Можно было бы махнуть на неё рукой, выделить ей самостоятельные владения и признать её мнимые права – скажем, на теорию познания, на введение в научную методологию. Но не будет ли этот взмах – прощальным взмахом истине?..

В историзме и социологичности многих философских рассуждений, то есть в привычке логически опираться на человеческий опыт, дошедший до тебя в сокращённом, абстрагированном и недостоверном виде, есть нечто ненадёжное, губительное, разрушающее ценность представлений, возведённых только на этом основании.

Можно сказать (слегка утрируя), что неличная, опосредованная память имеет лишь образное значение, что она достойна философского внимания скорее как собрание своеобразных притч, как описание моделей существования, как демонстрация житейских и психических возможностей бытия. При таком восприятии весь этот материал вполне годится в дело.

Необходимость использовать в философии художественные средства становится очевидной, если присмотреться к тому, насколько художественны многие подлинно философские книги и далеки от истинной философии наукообразные философско-ведческие сочинения.

Впервые читая книгу кого-либо из настоящих философов, часто бываешь поражён живостью и доступностью его речи. Если философия кажется со стороны несколько зауменной наукой, это происходит в основном по вине загромодивших её объёмистых «трудов» философско-ведческих, которые тяжело читать без толкового словаря и где единственная отрада – случайно встреченный в каменистом тексте свежий родничок цитаты, приведённой с лёгким авторским снисхождением к её ненаучному облику.

Тяжёлым для восприятия бывает иногда и стиль хорошего философа, но это связано именно с влиянием философско-ведческой традиции, с чистосердечным желанием философа работать в рамках того традиционного стиля, в котором он воспитан.

Аналогия в философии заслуживает самого широкого ис-

пользования — и одновременно самого настороженного отношения.

Сопоставление выгодно отличается от других способов абстрагирования тем, что не расчленяет явление, не засушивает его в пухлом гербарии анализа с учёными кличками на каждой странице, а соединяет две конкретности ради того, чтобы одна помогла осознать другую без хирургических действий.

Другое дело, что помогающая конкретность может оказаться слишком настойчивой. Быстро и незаметно аналогия может увести нас далеко в сторону от первоначальных интересов, заманивая всё новыми и новыми совпадениями, которые мы торопимся подобрать уже просто так, из жадности.

Это предостережение не умаляет роли сравнений. Напротив, оно ещё раз свидетельствует об их прихотливой силе. Просто надо уметь с ней управляться.

134

«Бесцельным блужданием по сторонам, бесцельными набегами фантазии можно поднять дичь, которой может воспользоваться и философия в своём благоустроенном хозяйстве».⁵⁹

⁵⁹ Лихтенберг, Георг Кристоф; 1742—1799; Германия; писатель, учёный

Опыт жизни, размышлений и восприятия чужих идей постепенно воспитывает в философе – как и в людях других профессий – умение узнавать старое и понимать новое с налёта: из иносказания, из отвлечённого теоретического рассуждения, из законсервированного в логической формулировке или в художественном образе переживания... Так натренированный математик видит форму кривой по её формуле, не нуждаясь в вычерчивании графика.

Главное, что даёт система мировоззрения или просто какой-либо общий подход к мировосприятию – это язык, на котором осознаётся новое или выражается пережитое и обдуманное. Постепенно приучаешься при встрече с чужими идеями переводить их про себя на этот свой язык – для быстроты и углублённости понимания, для сравнения с собственными взглядами и, если нужно, для усвоения.

Понимание мировосприятия как внутреннего языка описывает скорее психологическую сторону восприятия жизни. Именно философскую сторону лучше высвечивает представление об ориентировании, о том, что жизненный и мировоззренческий опыт пополняет

наш инструментальный арсенал, способствующий лучшей ориентации, внутренней и внешней.

137

Основное достоинство учения – в убедительности. Достоинство мировоззрения, не претендующего на проповедь своих взглядов, – прежде всего в искренности. Чёткость и систематичность не являются обязательными качествами ни для того, ни для другого. Поэтому рискованно приводить в систему взгляды человека, который не сделал этого сам: легче исказить их, чем прояснить. Опасен даже доброжелатель, что уж говорить о том, кто руководствуется жадой опровержения!..

«Когда оспаривают принципы какого-нибудь человека, можно показать, какие следствия из них вытекают, но не утверждать, что он имел их в виду и предугадать его ответ».⁶⁰

138

У философов, стремящихся к последовательности, помимо главных, выношенных идей, встречается немало суждений натянутых, полупридуманных, но зато замыкающих уче-

⁶⁰ Гельвеций, Клод Адриан; 1715—1771; Франция; философ

ние в нечто целое, восполняющих в нём пробелы, приводящих его в систему. Эти суждения можно узнать по неубедительной многословности, по старанию автора уговорить самого себя. Их выразительность случайна, словесна, не пережита.

«Первые же и древнейшие искатели истины, более добросовестные и более удачливые, обычно те знания, которые хотели почерпнуть из созерцания вещей и сделать пригодными для пользования, заключали в афоризмы, то есть в короткие изречения, разрозненные и не связанные методом; они не притворялись, что владеют всеобщей наукой и не обещали этого».⁶¹

139

«Я далёк от того, чтобы осуждать дух системы; наоборот, я восхищаюсь им в великих людях. Усилиям, потраченным на защиту или уничтожение систем, люди обязаны, несомненно, бесчисленным множеством открытий».⁶²

⁶¹ Бэкон, Френсис (Веруламский); 1561—1626; Англия; философ, государственный деятель

⁶² Гельвеций, Клод Адриан; 1715—1771; Франция; философ

Система хороша тем, что излагаемые в ней понятия намеренно поддерживают и поясняют друг друга своей взаимосвязью. Общими усилиями они оберегают суть от неверного понимания (вопрос неверного толкования сложнее – многое зависит от плодотворной или злосчастной виртуозности толкователя). Однако, облегчая всестороннее толкование результатов, система затрудняет и ограничивает возможность их частичного использования. В этом отношении – чем глубже образующие систему идеи, тем большего сожаления заслуживает сковывающая их систематичность.

«Когда из философского развития одного человека вырастает целая система, меня охватывает почти гнетущее чувство какой-то ограниченности или преднамеренности, и я всякий раз пытаюсь искать человека там, где его опыт, ещё синтетический и нерасчленённый, выступает во всей своей живой полноте, без ущерба, наносимого ему ограничениями и уступками, которых требует любая систематизация. Всегда есть некая преднамеренность там, где философия становится религией, то есть начинает предъявлять к другим догматические требования, в то

время как на деле она является лишь грандиозным образом пути её создателя, боровшегося с жизнью и смертью». ⁶³

142

«В головах людей имеются зародыши, которые заключают в себе проблески системы. Они готовы воспламениться в лучах заблуждения, подобно тому, как маленькая искра может поджечь пороховой погреб». ⁶⁴

143

Замечания, сделанные ненароком, иногда ценнее основных построений философа. Эти мимолётности не подвергнуты многосторонней разработке, что часто оборачивается достоинством: ростки таких открытий свободны ещё от гнёта системы.

144

«Нет ни одной прочной системы, которая хотя бы в некоторых своих частях не оживлялась интуицией.

⁶³ Рильке, Райнер-Мария; 1875—1926; австрийский поэт, писатель;

⁶⁴ Гельвеций, Клод Адриан; 1715—1771; Франция; философ

Диалектика необходима, чтобы подвергнуть интуицию испытанию, необходима также для того, чтобы интуиция преломилась в понятия и передалась другим людям; но очень часто она только развивает результаты этой интуиции, которая переходит за её пределы. Поистине, оба движения имеют противоположные направления: одно и то же усилие, путём которого присоединяют идеи к идеям, способствует исчезновению интуиции, которою идеи предполагали овладеть. Философ вынужден покинуть интуицию, как только ему сообщился её порыв, и довериться самому себе, чтобы продолжать движение, строя понятия одни за другими. Но скоро он чувствует, что почва потеряна, новое соприкосновение становится необходимым; придётся переделать большую часть того, что уже сделано».⁶⁵

145

Наряду с глубинной, неистовой философией, стремящейся добраться до сути не только поставленного перед ней вопроса, но и всех вопросов вообще, до сути самого вопрошания, – наряду с нею существует и другая философия, более сдержанная и конкретная. Она всегда видит свою задачу в решении отдельной конкретной проблемы. Она охотно принимает имеющийся набор предпосылок или обходится

⁶⁵ Бергсон, Анри; 1859—1941; Франция; философ

собственными, применимыми к случаю. Исходя из них, она старается добиться высших спортивных достижений. Правда, когда её усилия становятся слишком искусственными, даже искусственными, её обидно называют схоластикой. Но за счёт ловкого наукообразия или пылкого красноречия она приноравливается подменять настоящую философию так, что подмену заметить всё труднее.

Такая дискретная философия, действующая каждый раз в пределах одной ступеньки, обладает (в силу сосредоточенности усилий) заметной убедительностью, как спринтер – высокой скоростью на короткой дистанции, но эти усилия приводят к недолговечным результатам. Философия – не бег наперегонки, это непрестанное паломничество.

146

Философование любит вычленять из философии самостоятельные разделы, чтобы изучать каждый из них отдельно от всего остального. Это напоминает заботу сидящего верхом умника, взвалившего на плечи мешок с поклажей, чтобы лошади было легче. Философию объединяет в единое целое то дело, которому она служит, – человеческая жизнь. В той мере, в какой гносеология, этика, эстетика, психология, социология или другие дисциплины могут от этого дела уклониться, они действительно могут считаться автономными. Но тогда ровно в той же мере их можно вообще оставить

за пределами философии без урона для неё. Такие разделы вполне можно отдать философствованию.

Этот фрагмент вполне можно было бы и убрать. Он как-то шаток по мысли. Но интересно, что причина этой шаткости – в недостаточной определённости задачи философии. Без представления об ориентировании как о смысле философии трудно говорить о её цельности. «Человеческая жизнь» – слишком широко. «Счастье» – слишком узко. Но главное, что такие понятия недостаточно конструктивны. А о философии необходимо говорить конструктивно: ведь это прежде всего разговор о внутренней работе.

147

В наше время не может быть и речи о ненадобности того или иного направления в философии, того или иного подхода к философии, того или иного способа философских идей. Кто мог бы явиться всеобщим управителем, имеющим право отвергать какие-либо попытки? Даже если в принципе существуют полезные барьеры, сейчас мы ещё не так преуспели в познании человеческой природы, чтобы позволить себе налагать в этой области запреты. Но выявлять соотносительную роль тех или иных методов и целей философского постижения – необходимо. Необходимо для того, чтобы разо-

браться: что нужнее.

Некоторые философские подходы ценны тем, что обозначают гибельные места: пропасть, трясину или ловушку, из которой нет спасения. Они составляют важную часть философии. Но как было бы опасно играть в равноправие этих подходов со всеми остальными!..

148

Бедность словаря в философии ощущается более, чем в любой другой науке, – как ощущалась бы она в литературе, если бы та избегала метафор. Науки привыкли восполнять нехватку выразительности обозначениями и терминологией. В подражание им пользуется терминологией и философия, но содержание её терминов иногда меняется со временем настолько, что они начинают скорее затруднять, чем облегчать понимание. Философия нуждается скорее в образах, чем в терминах. Часто эта потребность удовлетворяется косвенными путями – определением новых и переопределением старых понятий, разносторонним пояснением их, самым их употреблением... Всё это фактически превращает термины в образы, сохраняя на них маску благопристойной научности.

«В философии самые остроумные искатели истины ввиду своей даровитости кажутся убедительными, даже если они и защищают ложь; бездарные же кажутся неубедительными, даже если содействуют истине».⁶⁶

Анализируя или определяя какое-либо из используемых им понятий, философ должен быть внимателен к расхождению между обыденным словоупотреблением и теми особыми функциями, которые неминуемо присущи словам и выражениям в его собственном сознании. Это очень важно — потому что обычно философом руководят, явно или неявно, столь значительные «общие идеи», что отдельные слова ориентированы в соответствии с ними, как железные опилки вокруг полюсов магнита.

«Люди сами создают несуществующие противоречия и облачают их в новые слова; причём таким образом, что смысл, вместо того чтобы подчинить себе слово, сам

⁶⁶ Секст Эмпирик; 200—250; Древняя Греция; врач, философ

ему подчиняется». ⁶⁷

«Для человека с ясными идеями почти всегда достаточно обычного языка. Тот, кто хочет учить людей, а не обманывать их, должен говорить на их языке». ⁶⁸

152

«Я не требую, чтобы вы вкладывали определённый смысл в ваши слова, — вы можете истолковать их как хотите; единственное, о чём я умоляю, — заставьте меня понять что-нибудь с помощью этих слов». ⁶⁹

153. Принцип множественности выражения

Свойства языка и в отношении высказывания мысли и в отношении её понимания — вовсе не требуют однозначных формулировок и безукоризненно точных терминов, что время от времени кажется панацеей от недостаточного единства взглядов. Такая точность всегда минутна и обманчива, потому что и язык (даже мёртвый и символический) живёт своей жизнью, и восприятие его неизбежно меняется. В ре-

⁶⁷ Бэкон, Френсис (Веруламский); 1561—1626; Англия; философ, государственный деятель

⁶⁸ Гельвеций, Клод Адриан; 1715—1771; Франция; философ

⁶⁹ Бёркли, Джордж; 1685—1753; Англия; философ, епископ

зультате однозначной становится не мысль, а суждение, словесное заклинание, воспевающее одну из ипостасей явления в ущерб остальным.

Чтобы избавиться от магии слов, от их давления на понятия, нужно прибегнуть к их собственной помощи, к той самой неполноте и противоречивости, которая нас тяготит. Нужно использовать множественность выражения одной и той же мысли, сталкивать между собой различные формулировки – для того, чтобы осветить понятие с разных сторон и составить представление о нём самом, а не о том или ином способе его описания.

154

Выразительные средства, которые сознательно использует философия, очень разнообразны, но скудны ещё по сравнению с теми средствами, которые она может использовать. Ей по праву принадлежит всё лучшее, на что способны искусство и наука.

155

Определить, чем и как должна заниматься философия, – не главное. Дело не в том, чтобы разоблачить мнимых служителей Минервы и причислить к её штату тех, кто посвятил себя философии, не будучи признанным философом. Важно

помнить, что философия может и должна служить каждому человеку, и каждый человек в состоянии способствовать её развитию, имея единственно необходимый для этого источник в себе самом.

Единство и рознь учений

156

Вряд ли когда-нибудь человечество придёт к единому философскому мировоззрению. Различные учения так же необходимы людям, как различные кушанья или лекарства, различные книги и картины. Но какое-то единство философских представлений об основах человеческого мышления, о главных свойствах человеческого сознания существовало издавна, на некотором уровне существует и сейчас, а в будущем должно быть всеми силами развиваемо.

157

«Философы теряют жизнь оттого, что наука многогранна. Это не означает, что учение в корне различно, что корень у него не один; но это показывает, как далеко расходятся его ветви. Чтобы не погибнуть и обрести утраченное, необходимо возвращение к общему корню, возвращение к единству».⁷⁰

⁷⁰ «Ле-цзы», памятник древнекитайской литературы 5—2 веков до н.э.

«Всё то, что заслуживает названия философии, всегда помещало в основание своих учений сознание абсолютного единства того, что рассудком признаётся лишь в его раздельности. Философское понимание состоит в том, что всё то, что кажется ограниченным, взятое самостоятельно, получает свою ценность в силу того, что принадлежит целому».⁷¹

«Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди, и составители их – от единого пастыря».⁷²

Сначала кажется, что иглы и гвозди – это об остроте мысли. Но всё-таки главный смысл образа: сшивающие воедино иглы, сбивающие в единое гвозди...

За чтением подлинно философских книг постепенно при-
выкаешь повсюду наблюдать проявления единства отдельных
идей и общих принципов мирозерцания. Костюмы
словесных формулировок и маски предрассудков своего
времени уже не обманывают, не побуждают к полемике. Всю-

⁷¹ Гегель, Георг Вильгельм; 1770—1831; Германия; философ

⁷² «Ветхий Завет»

ду проглядывает тот же человек, с теми же проблемами, ловящий лучи того же света.

Если свести воедино все совпадения мыслей, которыми полны эти книги, картина оказалась бы впечатляющей и неожиданной для тех, кто привык в различных учениях замечать прежде всего разноречие.

Сначала следовало бы представить текстуальные совпадения, вызывающие множество переживаний: от подозрения всех и вся в плагиате – до мистического трепета. Потом сопоставить одинаковые идеи и мысли, лишь по форме выражения отличающиеся для разных эпох и народов. Наконец – дать комментированный указатель общих философских принципов, поясняющий их глубинное единство, не всегда заметное из-за своеобразия индивидуальных подходов, из-за этнических и социальных особенностей мышления, из-за метафоричности образов.

И попытки человеческого разума, не нашедшие места в этом великом и несбыточном труде, оказались бы, наверное, просто черепками неудавшихся сосудов.

И в этом качестве они тоже нашли бы всё-таки здесь своё место.

ла она многолика. Её нельзя нарезать на ломтики и разложить по розеточкам авторских свидетельств. Но не надо обо-
льщаться — это единство ярче проявляется не в общении
между людьми, а внутри каждого из нас, в наших высших
постижениях.

161

Представление о том, будто «нужно сравнить все рели-
гии и выбрать из них то, что в них есть во всех общего, это
и будет истина»⁷³, — соблазнительно лишь на первый взгляд.
Невозможно осуществить такую процедуру ни с религия-
ми, ни со стихийными мировоззрениями отдельных людей.
Большинство явлений такого рода представляют собой ор-
ганические образования, неподвластные конструированию
с помощью анализа и синтеза.

Другое дело — работа интуиции в индивидуальном со-
знании. Может быть, подобным образом и прорастают ино-
гда в душе побеги её собственных идей. Но удостовериться
в этом процессе, а тем более подражать ему рационально —
нам не по силам.

162

Говорить о глубинном единстве философских и религи-

⁷³ Толстой, Лев Николаевич; 1828—1910; Россия; писатель, мыслитель

озных учений получается гораздо бездоказательнее, чем говорить об их различиях – больших и малых. В том и состоит, быть может, существо дела, что различия можно показывать и доказывать, а единство необходимо ощущать.

Пожалуй, правильнее воспитывать чувство единства правдивых учений, чем настаивать на логическом осознании этого явления. Однако почти все усилия человечества до сих пор тратятся на воспитание разнообразнейших чувств различия.

163

Можно предположить, что сильно разнящиеся между собой учения начинают своё мироописание на различных логических уровнях. Соотношение между этими начальными уровнями можно было бы представить себе по количеству явных или неявных аксиом и связи их друг с другом (внутри каждого учения и между ними). Можно попытаться, наконец, выделив всюду эти аксиомы и придав им более или менее единообразный вид, допускающий сопоставление, отыскать некий абсолютный нулевой уровень, начинать с которого стало бы очевидной необходимостью.

Поисков такого общего, обязательного для всех начала было, наверное, не меньше, чем проектов вечного двигателя или расчётов квадратуры круга – с тем же неблагоприятным исходом. Видимо, универсальной точки отсчёта не су-

ществует. Слишком плохо поддаются окончательной формализации те образы и понятия, которыми пользуется сознание, — и тем хуже, чем меньше их остаётся неформализованными, не переведёнными на логический язык. Само сопоставление начальных уровней достаточно развитых учений возможно лишь при определённой общности их подхода к задаче постижения мира, их метода, языка их рассуждений.

Позже мне и самому не удалось избежать поисков общего начала. Они привели меня к представлению об ориентировании как основном инстинкте человека, который определяет и его философские потребности. Мы можем уйти от задачи философско-сравнительного сопоставления учений. Но у живого человека всегда остаётся потребность в выборе средств и способов мировоззренческой ориентации. Эта потребность и может послужить основой для общего языка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.